

Рѣсницы ея черно-синихъ глазъ кидали бархатный отливъ на зрачки; волосы, безъ рѣзкой цыганской черноты, пушистыя, нѣжныя щеки и чудесныя зубы, даже для цыганки, дѣлали изъ нея породистую женщину, только-что вошедшую въ обладаніе своей красотой.

Пеньюаръ изъ нѣжнаго цвѣта тафты, съ кружевомъ, оставлялъ до половины обнаженными смугловатыя руки и падалъ на коверъ цѣлой кучкой складокъ и оборокъ...

— Рекомендую, — указавъ ей Ногайцевъ на Рынина. — Мой зять... мужъ моей дочери, Зины. Она вѣдь красавицей считается. А ты, душканъ, сегодня же покажи этому...

— Пустите, крестный! — просилась Паша.

— Пуцу, пуцу!.. Только съ уговоромъ: мы съ вами.

— Куда? — спросила Паша, мѣняя сейчасъ же тонъ.

— Въ Паркъ! У насъ ландо; васъ обѣихъ на почетное мѣсто.

— Рано...

Паша сдѣлала гримасу.

— Обѣдать.

— Мы уже кушали...

— Еще покушаете!.. Извольте одѣваться. Палаша! — крикнулъ Ногайцевъ въ столовую: — вѣдь ты набольшій. Нечего тутъ... Уберите вы мнѣ этого гуся... Не могу запаха выносить!.. Живо одѣваться!.. А чаваламъ сказать, чтобы тотчасъ же послѣ обѣда... къ Натрускину, въ „Мавританію“. Наверху, въ большой комнатѣ.

Обѣ сестры рѣшительно возстали противъ обѣда и послѣшняго туалета. Онѣ такъ не привыкли. Да и куаферъ не пришелъ, и Пашиной юбки съ прошивками не принесла прачка, и еще приведены были какіе-то доводы. Мартынъ Лукичъ сначала слушать не хотѣлъ, а потомъ, когда Палаша заговорила съ нимъ построже, немного притихъ — онъ былъ еще совсѣмъ трезвый — и согласился ѣхать съ Рынинымъ вдвоемъ въ Паркъ, тамъ обѣдать; но чтобъ къ девятому часу были всѣ „чавалы“ на-лицо. Раньше, чѣмъ они обыкновенно являются.

Сестры обѣщали, что все будетъ исполнено. Въ Грузинахъ Мартынъ Лукичъ опять былъ въ почетѣ; всѣ знали, что онъ доканчивалъ новое наслѣдство. — Онъ не сразу удалился отъ сестеръ Свѣшниковыхъ; водилъ Рынина и въ будуаръ Палаша, отдѣланный гораздо проще, кретономъ, потомъ и къ „шапала маquignonне“, какъ онъ называлъ ихъ мать, выдалъ ей Рынина за сербскаго министра, началъ съ ней переговариваться по-цыгански, отчего та все закрывала себѣ глаза ладонью, и подъ конецъ стала толкать его къ двери.